

С. В. Ковылин

БЫТИЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ВОСТОЧНО-ХАНТЫЙСКОМ И ЦЕНТРАЛЬНО-СЕЛЬКУПСКОМ ДИАЛЕКТАХ¹

Рассматриваются вопросы выражения бытийного отрицания в сибирских языках на примере восточных диалектов хантыйского и центральных диалектов селькупского языка. На основе проведенного исследования были выявлены основные стратегии бытийного отрицания, в каждом из языков с последующим использованием типологического метода для их сравнения.

Ключевые слова: бытийные предложения, отрицание, исчезающие сибирские языки, типология.

Статья посвящена бытийному отрицанию в языках коренных народов Западной Сибири, в частности отрицанию в восточных диалектах хантыйского языка и центральных диалектах селькупского языка.

Хантыйский язык относится к обско-угорской подгруппе финно-угорских языков, которая наряду с самодийскими языками составляет уральскую языковую семью [1]. Хотя хантыйский язык часто рассматривают как единый, в действительности он составляет группы диалектов, разделяемые традиционно на западные (северные и южные) и восточные диалекты, которые значительно отличаются друг от друга. При этом значительные расхождения существуют и внутри группы восточных диалектов [2]. В данной статье мы рассмотрим васюганский диалект, который тесно связан с такими восточными диалектами, как александровский, ваховский и юганский [3].

Селькупский язык является представителем самодийской группы уральской языковой семьи и представляет собой совокупность диалектов, существенно отличающихся друг от друга на всех лингвистических уровнях [4, 5]. Диалектное членение селькупского языка является предметом дискуссий. Е. А. Хелимский выделяет 5 основных диалектов, среди которых отдельно выделяется нарымский (Обь в районе Нарыма, р. Васюган, Парабель), который по ряду признаков может объединяться с тымским в центральную диалектную группу [6]. Мы будем относить нарымский диалект, куда входят и васюганские селькупы, к центральной группе, пользуясь классификацией Е. А. Хелимского.

Селькупский и хантыйский языки принадлежат к уральской языковой семье, являясь генетически отдаленно родственными языками. На территории бассейна р. Васюган восточные ханты проживали в контакте с центральными селькупками [7].

Для последующего обсуждения формальных характеристик моделей отрицания необходимо рассмотреть базовые черты синтаксиса анализируемых языков. Селькупский и хантыйский языки относятся к типу с порядком слов SOV [8]. Однако, как мы увидим в последующем, порядок слов может меняться на SVO. Одной из причин данного явления, как можно предположить, является влияние русского языка.

Прежде чем перейти к выражению отрицания в бытийных конструкциях, необходимо рассмотреть, что под ними понимается¹.

Как отмечает Фриз, экзистенциальная конструкция – это предложение, в котором некоторая сущность (семантическая роль – Тема) ассоциируется с некоторым местоположением (семантическая роль – Локация) [9].

Экзистенциальные конструкции обычно исполняют репрезентативную функцию. Отсюда следует, что именной элемент составного именного сказуемого почти всегда неопределенен. “*There is a book on the table*” [10]. Другими словами, Тема в таких конструкциях является неопределенной. Экзистенциальные конструкции обычно нуждаются в локационном обстоятельстве (adjunct). “*There is a cat under the bed*”. Однако они могут использоваться и без такого обстоятельства. “*There is a God*” [10].

Конструкции с именным сказуемым, к которым относятся и экзистенциальные конструкции, часто используют копулу, т. е. морфему (аффикс, частицу или глагол), которая связывает два элемента в предикативной номинальной конструкции [10]. Глагол-копулу, такой как рус. *быть*, англ. *be*, часто называют «семантически пустым» грамматическим глаголом. Глаголы-копулы могут функционировать также как вспомогательные глаголы [10].

В связи с обсуждением экзистенциальных конструкций необходимо также рассматривать ло-

¹ Работа над данной публикацией поведена при поддержке гранта РФФИ № 11-0600371.

¹ Здесь и в последующем для облегчения анализа и избежания двусмысленности мы будем называть собственно бытийные конструкции, в узком смысле – экзистенциальными, а весь тип конструкций, которые объединяют локативные, посессивные и экзистенциальные конструкции – бытийными в широком смысле.

кативные и некоторые виды посессивных конструкций, так как эти конструкции демонстрируют определенную структурную схожесть [9] и, так же как и экзистенциальные конструкции, как отмечалось выше, могут использовать копулу как предикативную связку в предложении.

1. Локативные конструкции прежде всего описывают местоположение: *“The book is on the table”* [10].

2. Посессивные конструкции описывают обладание: *“The table has a book on it”*; *“The book is John’s”* [10].

Порядок слов посессивных предложений соответствует экзистенциальным. Однако можно выделить 2 типа посессивных предложений: в первом для выражения обладания используется глагол со значением *иметь* – в этом случае наблюдается существенное различие между бытийными и посессивными предложениями, во втором используется копула, при этом наблюдается схожесть между экзистенциальными и посессивными предложениями, так как обладатель выступает в роли некой локации [9].

Экзистенциальные и локативные конструкции во многом схожи, однако во многих языках между ними выделяется одно существенное различие. В экзистенциальных конструкциях данным, известным является место (Локация), а сообщаемым – предмет (Тема). В локативных предложениях, наоборот, исходным пунктом сообщения служит известный говорящему предмет, а сообщаемым – местопребывание этого предмета: *«В зоопарке есть слон»* и *«Этот слон находится в зоопарке»* [11]. Другими словами, если Тема является известной и определенной, то это предложение локативное.

Рассматривая экзистенциальные, локативные и посессивные конструкции, В. Крофт объединяет их под локативными, потому что они все имеют локационное слово и именное сказуемое (*nominal*), чья позиция обусловлена локационным словом [12].

В типологическом плане экзистенциальные конструкции интересны тем, что в них часто используются специальные стратегии отрицания, например глагол со значением «отсутствовать, не хватать»: *«Нет книги на столе»* [10].

При дальнейшем обсуждении конструкций, использующих отрицание, мы также будем рассматривать их с позиции симметрии/асимметрии. При симметричном отрицании отрицательные конструкции не отличаются от утвердительных конструкций, структурно, ничем, кроме присутствия маркера отрицания. При асимметричном отрицании, наоборот, отрицательные конструкции отличаются от утвердительных по структуре [12].

В. Крофт отмечает, что типологически можно выделить три группы экзистенциальных конструкций на основе использования в них отрица-

ния [13]. Группа А включает в себя языки, в которых экзистенциальные предложения используют такой же маркер отрицания, который используется для отрицания глагольных предикатов. Группа В включает языки, в которых для отрицания экзистенциальных конструкций используется специальная отрицательная форма глагола. В таких языках маркер отрицания, использующийся для отрицания глагольных предикатов, отличается от маркера отрицания экзистенциальных конструкций. Группа С включает в себя языки, в которых маркер бытийного отрицания начинает использоваться для стандартного отрицания наравне с маркером стандартного отрицания. Таким образом, В. Крофт представляет синхронную классификацию отрицания в диахронной перспективе, где группа А переходит в группу В, группа В – в группу С, а группа С – в группу А, представляя исторический цикл эволюции отрицания.

Приводимые ниже примеры из хантыйского и селькупского языков демонстрируют, что утвердительные экзистенциальные и посессивные конструкции проявляют черты асимметрии по отношению к отрицательным, используя разные предикаты для отрицания и утверждения. Во всем остальном изменений не наблюдается.

Экзистенциальные конструкции

1. Вост. хант. вас. (KhNeg 083 – стр. 12)

<i>puʒal-nə</i>	<i>wəl-wəl-t</i>	<i>ämp-ət</i>
деревня-LOC	быть-PRS-3PL	собака-3PL

В деревне есть собаки.

2. Вост. хант. вас. (KhNeg 089 – стр. 12)

<i>puʒal-nə</i>	<i>əntim</i>	<i>ämp-ət</i>
деревня-LOC	NEG _{.EX}	собака-3PL

В деревне нет собак.

3. Центр. сельк. нарым (SelNeg 083)

<i>ē`d-ə-get</i>	<i>kana`-la</i>	<i>ē`-j-a</i>
деревня-EP-LOC	собака-PL	быть-PRS-3SG

В деревне есть собаки.

4. Центр. сельк. нарым (SelNeg 085)

<i>na</i>	<i>ē`d-ə-get</i>	<i>kana`-la</i>	<i>tfa`ng-wa</i>
DET	деревня-EP-LOC	собака-PL	NEG.ex-3SG

В этой деревне нет собак.

Посессивные конструкции

5. Вост. хант. вас. (KhNeg 091 – стр. 12)

<i>mä-nə</i>	<i>wəl-wəl</i>	<i>niŋ-əm</i>
1SG-LOC	быть-3SG	жена-1SG.POSS

У меня есть жена.

6. Вост. хант. вас. (KhNeg 092 – стр. 13)

<i>mä-nə</i>	<i>əntim</i>	<i>niŋ-əm</i>
1SG-LOC	NEG _{.EX}	жена-1SG.POSS

У меня нет жены.

7. Центр. сельк. нарым (SelNeg 087)

<i>tan-a`n</i>	<i>paja`</i>	<i>ē`-j-a</i>
1SG-LOC	жена	быть-PRS-3SG

У меня есть жена.

8. Центр. сельк. нарым (SelNeg 088)
tan-a`n raxa` tfa`ng-wa / ne`tu-k
 1SG-LOC жена NEG.ex-3SG / нету-1SG
 У меня нет жены.

Теперь рассмотрим локативные конструкции в хантыйском и селькупском языках. Для утверждения может использоваться копула, а для отрицания – отрицательный бытийный предикат или копула со стандартным отрицанием. Рассматривая сургутский диалект восточно-хантыйского языка, Б. Вагнер-Надь отмечает, что стратегии экзистенциального и локативного отрицания различаются, при отрицании локативных конструкций используется обычное прилагательное отрицание (см. пример 9) [9]. Однако, ссылаясь на Чепреги и Хонти (сургутский и ваховский диалекты), Б. Вагнер-Надь отмечает то, что локативные предложения могут также использовать отрицательный бытийный предикат (см. пример 10).

9. Eastern Khanty, Surgut Dialect (KLj 2009)
məŋ əškola-nə əntə wōs-u-w
 1PL школа-LOC NEG быть-EP-1PL
 Мы не в школе.

10. Eastern Khanty, Vakh Dialect (Honti 1984: 99)
mä äni-l-ä-m jok-ə-n entim-ä-t
 1SG сестра-PL-EP-1SG.PX дом-EP-LOC
 NEG.ex-EP-PL
 Моих сестер нет дома.

Рассматривая северные диалекты селькупского языка, Б. Вагнер-Надь отмечает, что экзистенциальные и локативные конструкции можно различить только по порядку слов в предложении, так как во всем остальном они схожи [9].

Приведем примеры локативных конструкций с использованием специального отрицательного предиката. В обоих языках, в васюганском и нарымском (центральном) диалектах, в основном нам встречались предложения с отрицательным бытийным предикатом, но не с копулой.

11. Вост. хант. вас. (KhNeg 007 – стр. 22)
jüy qo-p əntim
 3SG где-NEG NEG.ex
 Его нигде нет.

12. Центр. сельк. вас., № 79 [1]
tat tfad kudi-n-nan-naj tfang-a tii
 2SG.GEN из-за кто-GEN-LOC-NEG
 NEG.ex -3SG.sub огонь
 Из-за тебя ни у кого нет огня.

В рамках проведенного нами анализа мы считаем приемлемым использовать подход В. Крофта, относя экзистенциальные, посессивные и локативные конструкции к одному типу, который мы будем называть бытийными конструкциями, использующими единую стратегию отрицания с использованием копулы для утверждения и специального отрицательного бытийного предиката для

отрицания. Экзистенциальные и локативные конструкции, использующие такие глаголы, как «стоять», «находиться», и посессивные конструкции, использующие такие глаголы, как «иметь» «обладать», в данной статье рассматриваться не будут, так как они используют стандартную стратегию отрицания. Под стандартным отрицанием понимаются основные способы отрицания финитных повествовательных предложений [14]. Для васюганского диалекта хантыйского языка таким маркером отрицания является *əntə*, а для центральных диалектов селькупского языка – *ä*.

Экзистенциальные и посессивные конструкции имеют следующую структуру (LOC + ТЕМЕ + NEG.ex) или (LOC + NEG.ex + ТЕМЕ). Локативные (ТЕМЕ + LOC + NEG.ex) или (ТЕМЕ + NEG.ex + LOC). Как отмечалось ранее, экзистенциальные конструкции могут употребляться без локационно-го слова – (ТЕМЕ + NEG.ex).

Бытийное отрицание в восточно-хантыйских диалектах

В васюганском диалекте хантыйского языка для отрицания бытийных пропозиций используется специальный отрицательный бытийный предикат *əntim*, являющийся перфектным причастием, производным от отрицательной частицы *əntə* [3].

13. Вост. хант. вас. (KhNeg 014 – стр. 2)
mä-nə əntim ämp
 1SG-LOC NEG.ex собака
 У меня нет собаки.

В большинстве имеющихся у нас примеров отрицательный бытийный предикат *əntim* не согласуется с подлежащим. Однако к отрицательному бытийному предикату часто может присоединяться специальный предикативный суффикс */-äki, -äyi, -äki/* для единственного числа и */-ätə, -ät/* для множественного, которые в основном используются в именной предикации, согласуясь с подлежащим в числе. (В примерах 10, 15 множественное число отрицательного бытийного предиката может быть глоссировано альтернативно, как предикативный суффикс множественного числа.)

14. Вост. хант. вас. (KhNeg 005 – стр. 45)
ənämmə jöyrəq əntim-äki itfä
 старый волк NEG.ex-PRD сейчас
 Старого волка теперь нету.

15. Вост. хант. вас., № 19 [15]
ämp-ät fəräy-wäl-t, tfu tayi
morta toyi wer-il poro-min
i jəy-näm ənt-`im-ätə
 собака-PL шуметь-PRS-3PL DET
 место все прочь делать-3PL
 топтаться-CNV and 3PL-RFL
 NEG-PP-PL

Собаки шумят, все место истоптали, а самих их нет.

В примерах, приведенных ниже, можно отметить, что отрицательный бытийный предикат может употребляться как со специальным предикативным суффиксом, так и без него.

16. Вост. хант. вас. (KhNeg 011 – стр. 46)

qəsi *əntim*
человек NEG_{.EX}

Человека нет.

17. Вост. хант. вас. (KhNeg 012 – стр. 46)

qəsi *əntim-əki*
человек NEG_{.EX}-PRD

Человека нет.

18. Вост. хант. вас. (KhNeg 041 – стр. 6)

esli *äm-nə* *ləy* *əntim-əki*
(*əntim*) *jüy-ən*
если собака-LOC кость
NEG_{.EX}-PRD (NEG_{.EX}) 3SG-LOC

əntə *joŋqer-l-ətə*
NEG грызть-PRS-3SG/SG

Если у собаки нет кости, она ее не сгрызет.

Что касается примера 18, то на вопрос, чем отличается *əntim* от *əntim-əki*, информант сообщил, что первое он перевел бы как «нету», а второе как «вообще нету». Как отмечает А. Ю. Фильченко, дистрибутивные свойства предикативного аффикса /-əki/ с отрицательным бытийным предикатом наиболее вероятно связаны с прагматическими свойствами референта, на опровержение истинности которого направлена пропозиция данного типа. Отрицательная ассерция существования некоего референта будет, скорее всего, выражена с помощью отрицательного бытийного предиката *əntim* без предикативного аффикса /-əki/, если соответствующий референт обладает высокой степенью прагматической активации/идентифицируемости, более доступен участникам дискурса [15].

Что касается стратегии бытийного отрицания в прошедшем времени, то к отрицательному бытийному предикату добавляется специальный вспомогательный глагол, который, как отмечалось ранее, может быть образован из относительно семантически пустой копулы, которая может принимать временные, аспектуальные и модальные морфологические формы. Такими вспомогательными глаголами для хантыйского языка являются глаголы ‘быть’ *wəl-* и ‘становиться’ *jə-*. Стоит отметить, что вспомогательный глагол *jə-* используется довольно редко для того, чтобы обозначить изменение состояния, например, как результат чьей-либо смерти.

19. Вост. хант. вас. (KhNeg 038 – стр. 5)

äm-nə *əntim* *wəl-qas* *ləy*
собака-LOC NEG_{.EX} быть-PST3.3SG кость

У собаки не было кости.

20. Вост. хант. вас. (KhNeg 013 – стр. 46)

qəsi *əntim-əyi* *jə-y-äyi*

человек NEG_{.EX}-PRD стать-EP-PST0.3SG
Человека не стало.

А. Ю. Фильченко отмечает, что в экзистенциальных пропозициях с альтернативным вопросом вместо специального отрицательного бытийного предиката может использоваться копула со стандартным маркером отрицания (см. пример 21) [15]. А. Ю. Фильченко объясняет это стремлением к симметрии двух контрастных частей альтернативного вопроса. Также можно привести пример, где в посессивной конструкции с альтернативным вопросом используется отрицательный бытийный предикат *əntim*. Учитывая структурную схожесть посессивных, экзистенциальных и локативных конструкций, а также использование единого отрицательного предиката для отрицания данных пропозиций, можно предположить, что бытийное отрицание в альтернативных вопросах может использовать две стратегии: 1) с отрицательным бытийным предикатом – в большинстве случаев, 2) с копулой и стандартным приглагольным отрицанием. Хотя использование бытийного глагола-копулы в отрицательных бытийных предложениях не является типичным для данного диалекта языка. Бытийное отрицание в альтернативных вопросах требует дальнейшего рассмотрения.

21. Вост. хант. вас. № 25

tom *qat-nə* *qoj* *wəl-wəl*, *qam* *əntə*
wəl-wəl?

DET дом-LOC IndPrn быть-PRS.3SG или
NEG быть-PRS.3SG

В доме кто есть или нет?

22. Вост. хант. вас. (KhNeg 093 – стр. 13)

nuj-ən *wəl-wəl* *ni* *ili* *əntim*
2SG-LOC быть-PRS.3SG жена или NEG_{.EX}
У тебя есть жена или нет?

Итак, на основе анализа примеров, приведенных выше, можно сделать следующие выводы:

1. Утвердительные и отрицательные бытийные конструкции демонстрируют черты асимметрии по отношению друг к другу. В утвердительных конструкциях используется копула, в отрицательных конструкциях – отрицательный бытийный предикат *əntim*, который, с одной стороны, в большинстве случаев не согласуется с подлежащим, а с другой – может принимать специальные предикативные суффиксы единственного и множественного числа /-əki/ и /-ətə/ и, таким образом, согласовываться с подлежащим в числе.

2. Для отрицания в прошедшем времени используется специальная аналитическая конструкция, состоящая из отрицательного бытийного предиката *əntim* и вспомогательного глагола, несущего на себе основные глагольные флексии – *wəl-* «быть» или *jə-* «становиться». Бытийное отрица-

ние настоящего и прошедшего времен является асимметричным по отношению друг к другу.

3. При бытийном отрицании в альтернативных вопросах на месте предиката *əntim* может появляться конструкция из копулы и стандартного маркера приглагольного отрицания.

Бытийное отрицание в центрально-селькупских диалектах

В селькупском языке для отрицания бытийных пропозиций используется специальный отрицательный бытийный предикат *tʃa`ngu-*. Также широкое распространение получил отрицательный бытийный предикат *ne`tu-*, возникший под контактным влиянием русского языка. Оба предиката могут использоваться равносильно, находясь в отношении свободной вариации.

В приводимых нами примерах копула *ē-* (*быть*) и отрицательный бытийный предикат *tʃa`ngu-* всегда используются в 3 л. ед. ч. (суффиксы */-a, -wa, -i/* – 3SG.sub), даже тогда, когда должно быть согласование с подлежащим в 1SG и 3PL. То же самое касается отрицательного бытийного предиката *ne`tu-*, который используется в основном в 1 л. ед. ч. (суффикс */-k/* – 1SG.sub). Таким образом, копула *ē-* в 3SG и отрицательные бытийные предикаты *tʃa`ngu-* в 3SG и *ne`tu-* в 1SG в наших примерах получают более широкую дистрибуцию и начинают использоваться вместо других маркеров лица-числа. Это, вероятнее всего, связано с влиянием доминирующего русского языка и постепенной утратой селькупского языка информантами.

23. Центр. сельк. нарым (SelNeg 011)

tan-a`n kana`k tʃa`ng-wa
1SG-LOC собака NEG.ex-3SG

У меня нет собаки.

24. Центр. сельк. нарым (SelNeg 012)

tan-a`n kana`k ne`tu-k
1SG-LOC собака NEG.ex-1SG

У меня нет собаки.

Очень редко можно встретить случаи, когда для бытийного отрицания используется конструкция из копулы со стандартным отрицанием. На основе имеющихся у нас примеров можно предположить, что эти случаи не являются типичными для центральных диалектов селькупского языка.

25. Центр. сельк. нарым (SelNeg 086)

ē`d-ə-geɬ kana`-la ā ē`j-a
деревня-EP-LOC собака-PL NEG быть-PRS-3SG

В этой деревне нет собак.

В отличие от васюганского диалекта хантыйского языка в центральных диалектах селькупского языка бытийные отрицательные предикаты способны принимать некоторые основные глагольные флексии и проявляют схожесть в этом плане с обычной копулой.

Таким образом, мы наблюдаем более полную симметрию в выражении утверждения и отрицания в настоящем и прошедшем временах.

26. Центр. сельк. нарым (SelNeg 034)

kana`-nan li ē-j-a / ē-k
собака-LOC кость быть-PRS-3SG / быть-1SG
У собаки есть кость.

27. Центр. сельк. нарым (SelNeg 035)

kana`-nan li tʃa`ng-wa / ne`tu-k
собака-LOC кость NEG.ex-3SG / нету-1SG
У собаки нет кости.

28. Центр. сельк. нарым (SelNeg 036)

kana`-nan li ē-γ-a
собака-LOC кость быть-PST-3SG
У собаки была кость.

29. Центр. сельк. нарым (SelNeg 037)

kana`k-nan li ne`tu-γ-i / ne`tu-γ-a
собака-LOC кость нету-PST-3SG / нету-PST-3SG
У собаки не было кости.

В посессивных пропозициях с альтернативными вопросами наблюдается использование отрицательного бытийного предиката. Также можно предположить, что в посессивных, локативных и бытийных конструкциях, как и в случае с хантыйскими примерами (см. Бытийное отрицание в восточно-хантыйских диалектах), будет употребляться специальный отрицательный бытийный предикат. Бытийное отрицание в альтернативных вопросах, так же как и в хантыйском, требует дальнейшего рассмотрения.

30. Центр. сельк. нарым (SelNeg 089)

tan-a`npaja ē-j-a ali tʃa`ng-wa / ne`tu-k
2SG-LOC старуха быть-PRS-3SG или
NEG.ex-3SG / нету-1SG

У тебя жена есть или нет?

На основе анализа данных по центральным диалектам селькупского языка можно сделать следующие выводы:

1. Утвердительные и отрицательные бытийные конструкции демонстрируют черты асимметрии. В утвердительных предложениях используется копула, в отрицательных – отрицательные бытийные предикаты *tʃa`ngu-* / *ne`tu-*, которые, предположительно, должны нести на себе основные глагольные флексии. Однако под влиянием русского языка эти отрицательные бытийные предикаты начинают проявлять неполную парадигму согласования с подлежащим в лице-числе. Также можно выделить нетипичные случаи использования копулы и стандартного отрицания вместо отрицательного бытийного глагола, при которых проявляется симметрия при отрицании и утверждении.

2. Для отрицания в настоящем и прошедшем временах используются отрицательные бытийные предикаты – синтетическое отрицание. Стратегия бытийного отрицания в настоящем времени сим-

метрична стратегии отрицания в прошедшем времени.

3. При бытийном отрицании в альтернативных вопросах используются отрицательные бытийные предикаты.

Заключение

В обоих языках для бытийного отрицания типично используется специальный отрицательный бытийный предикат (могут встречаться редкие случаи использования копулы со стандартным отрицанием). В васюганском диалекте хантыйского языка отрицательный бытийный предикат не несет на себе никаких глагольных флексий, хотя может присоединять предикативные суффиксы единственного и множественного числа. В центральных диалектах селькупского языка отрицательный бытийный предикат несет на себе основные глагольные флексии, однако в последнее время наблюдается использование неполной парадигмы при согласовании с подлежащим в лице-числе. В обоих языках, в бытийных конструкциях, наблюдается асимметрия при утверждении и отрицании.

В васюганском диалекте хантыйского языка для выражения прошедшего времени при отрицании бытийных конструкций используется аналитическая конструкция, состоящая из отрицательного бытийного предиката и вспомогательного глагола. В центральных диалектах селькупского языка для прошедшего, как и для настоящего, времени, используются одни и те же отрицательные бытийные предикаты, которые принимают на себя глагольные флексии. Таким образом, бытийное отрицание в прошедшем времени для центральных диалектов селькупского языка – синтетическое, а для васю-

ганского диалекта хантыйского языка – аналитическое. В васюганском диалекте хантыйского языка бытийное отрицание в настоящем и прошедшем временах асимметричное, в центральных диалектах селькупского языка – более симметричное.

При отрицании бытийных конструкций при альтернативном вопросе в обоих языках используются отрицательные бытийные предикаты. В васюганском диалекте хантыйского языка, однако, можно отметить случаи использования конструкций с копулой. В целом бытийное отрицание при альтернативных вопросах требует дальнейшего изучения.

Согласно типологии бытийных конструкций Крофта, на основе использования в них отрицания и проведенного нами исследования центральные диалекты селькупского языка и васюганский диалект хантыйского языка можно отнести к группе В (стратегии экзистенционального и стандартного отрицания различаются). Однако в обоих языках встречаются редкие примеры использования конструкций с маркером стандартного отрицания и глагола-копулы при экзистенциональных конструкциях – типологическая группа А.

При анализе данных васюганского диалекта хантыйского языка и центральных диалектов селькупского языка отмечается интенсивное контактное влияние доминирующего русского языка и постепенная утрата родного языка информантов (подобное влияние русского языка отмечается повсеместно во всех сибирских языках в той или иной степени, например, в кетском и эвенкийском языках [16]). Это начинает проявляться, например, в использовании неполной парадигмы глагола и появлении языковой интерференции.

Данные

KhNeg: «Опросник “Отрицание”», адаптирован и записан август 2012, р. Васюган, С. Ковылин. Полевой архив ТГПУ.

SelNeg: «Опросник “Отрицание”», адаптирован и записан 2011, р. Парабель, А. Фильченко. Полевой архив ТГПУ.

Список литературы

1. Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 2. Томск: Аграф-Пресс, 2012. 247 с.
2. Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект) / под ред. Ю. Н. Русской. Ханты-Мансийск: Окружная комиссия по разработке литературного хантыйского языка при Исполкоме Ханты-Мансийского Окросвета Омской области, 1942. 122 с.
3. Фильченко А. Ю. Аспекты грамматики восточно-хантыйских диалектов: моногр. Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. 553 с.
4. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
5. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск: ТГУ, 1995. 292 с.
6. Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. 640 с.
7. Надь З. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX–XXI веках / пер. с венгерского Дианы Пушкаш; отв. ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 294 с.
8. Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.). 2011. The World Atlas of Language Structures Online. Munich: Max Planck Digital Library. URL: <http://wals.info>

9. Wagner-Nagy B. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages / SOCIÉTÉ FINNO-OUGRIENNE – HELSINKI, 2011. 336 p.
10. Payne, Thomas E. Describing Morphosyntax. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 413 p.
11. Борщев В., Partee В. Бытийные и локативные предложения – что их различает? Тема-рематическая структура или диатеза? // Handout – семинар ИПИРАН, 23 марта 2007. 14 с.
12. Miestamo, Matti. Negation – an overview of typological research. Language and Linguistics Compass 1 (5), 2007. 552–570 p.
13. Croft W. The evolution of negation // J. of Linguistics 27, 1991. P. 1–27.
14. Miestamo Matti On the Complexity of Standard Negation // SKY J. of Linguistics. Turku: The Linguistic Association of Finland, 2006. P. 345–356.
15. Filchenko A. Y. Negation in Eastern Khanty // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). Вып. 1. 2012. С. 38–44.
16. Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). Вып. 1. 2012. С. 96–100.

Ковылин С. В., младший научный сотрудник, аспирант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: sergey@scalpnet.ru

Материал поступил в редакцию 06.02.2013.

S. V. Kovylin

EXISTENTIAL NEGATION IN CENTRAL-SELKUP AND NORTHERN-KHANTY LANGUAGES

This article addresses the problem of coding existential negation in Siberian languages exemplified by eastern dialects of Khanty and central dialects of Selkup. On the basis of the reviewed data, main strategies of existential negation in each language were identified, followed by comparison using a typological method.

Key words: *existential sentences, negation, Siberian endangered languages, typology.*

Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: sergey@scalpnet.ru